

О воздержании. IV, 6–9¹

(Об обычаях египетских жрецов)

Стоик Херемон, повествуя об [обычаях] египетских жрецов, коих, по его словам, египтяне почитали за философов, рассказывает о том, что они избирали местом для размышления (ἐμφιλοσοφῆσαι) святилища, поскольку пребывание в них сродни всецелому устремлению к созерцанию. Ибо [это] гарантировало им безопасность в силу [того, что это места] богопочитания (а все считали философов как бы за неких священных животных) и [обеспечивало] покой, так как смешение [народа] бывает только по крупным празднествам, а в прочее время святилища почти что недоступны для прочих [людей] — ибо входить подобает тем, кто хранит ритуальную чистоту (ἀγνεύσαντας) и от многого воздерживается. Таково установление, общее для [всех] египетских святилищ.

Отрекшись от [всякой] другой деятельности и стезей человеческих, они (жрецы) целиком посвящали жизнь созерцанию богов и умозрению, добываясь благодаря последнему почитания, безопасности и благоговения, благодаря созерцанию — [достоверного] знания (τὴν ἐπιστήμην), а на основании обоих — некоего сокровенного и древнего нравственного упражнения. Ведь постоянное пребывание в божественном знании и помышлении [о божественном] ставит вне всяческой корысти, унимает страсти, направляет жизнь к сознанию. А полная праведность и бескорыстие [способствовало появлению] простоты, скромности, воздержания и стойкости.

Почитание им приносило также и то, что они крайне неохотно вступали в общение (τὸ δυσεπίμικτον): в самый период так называемых очистительных обрядов они не общались даже с ближайшими родственниками и сородичами, ни, тем более, не показывались на глаза кому-либо чужому, кроме тех случаев, когда проводили совместные очистительные обряды в силу необходимости (πρὸς τὰς ἀναγκαίαις συναγνεύουσι χρείας), либо уступали очистительные святилища для тех, кто еще не очистился, а храмы — для совершения священнодействий. В прочее же время весьма свободно (ἀπλούστερον) общались с подобными себе, но не вступали в общение ни с кем из неприобщенных к религиозным таинствам (τῶν δὲ ἐξωτικῶν τῆς θρησκείας). Они всегда появлялись возле богов, или [их] изображений, то неся [их], то идя впереди, то сопровождая выстроившись в ряд (τάσσοντες) с чувством покоя и благоговения (μετὰ κόσμου τε καὶ σεμνότητος); все это было не напускным (букв. «дымом» — τῦφος), но являло некую естественную причину (τινος ἔνδειξις φυσικοῦ λόγου). Величавость (τὸ δὲ σεμνὸν) проявлялась и в поведении: [жрецы] приучались и к строгой походке, и к прямому взгляду (чтобы не моргать, хотя бы и хотелось сделать это); смех [был у них] редок, а если уж и случался, то [дело не шло] дальше улыбки; руки [были спрятаны] в одеянии. У каждого чина [жрецов] (ἐκάστῳ τῆς τάξεως) был свой опознавательный знак, который выдавался в храмах (ἦν ἔλαχεν ἐν τοῖς ἱεροῖς); [жреческих] же чинов было много. Образ жизни [у них был] простой и безукоризненный: одни вовсе не вкушали вина, другие — совсем немного, считая, что оно вредит сухожилиям, а наполнение [вином] головы — препятствует мышлению (πλήρωσιν κεφαλῆς ἐμπόδιον εἰς εὐρεσιν), и говорили, что оно приносит любовные томления.

По этой же причине они осторожно пользуются и другими [видами пищи]: во время очистительных обрядов хлебами они не пользовались вовсе; а когда не участвовали в сих обрядах, то ели его, смешав с растолченным иссопом: ибо, говорили они, иссоп весьма [действенно] очищает силу хлеба. От оливкового масла одни воздерживались по возможности как можно больше, подавляющая же часть — вовсе [не употребляла его]: а когда употребляли

---

¹ Перевод выполнен А. Г. Алексаняном по изданию: De abstinentia, ed. A. Nauck, Porphyrii philosophi Platonici opuscula selecta, 2nd edn. Leipzig: Teubner, 1886 (repr. Hildesheim: Olms, 1963): 85–269. (= TLG 2034 003).

его с овощами, то по возможности [старались использовать] как можно меньше, для улучшения вкуса (ὄσον παρηγορήσαι τὴν αἴσθησιν).

Яств и питья, происходящих не из Египта, было запрещено касаться — настолько была исключена [из жизни жрецов] стезя [плотского] удовольствия. От [вкушения] рыб, водящихся в самом Египте, они воздерживались полностью, из четвероногих [не ели] непарнокопытных (μόνυχα), или многопалых (πολυσχιδῆ), или безрогих (μὴ κερασφόρα); из птиц — [не вкушали] плотоядных, а большинство [не ело] живых существ вообще. А во время очистительных обрядов не вкушали даже яиц.

При этом же они отнюдь небезупречно выпрашивали [для жертвоприношений] других животных, например, самок быков, самцов, которых двойня, или они пятнистые, или разноцветные, или с причудливой внешностью (παράλλασσοντα τῇ μορφῇ), или приученных к ярму, [объясняя, что] они обречены на страдания и отличены [от других тем, что] или на них как бы некое изображение (οἶον ἀπεικασμὸν), или [животное] одноглазое, или имеет сходство с человеком. [Существует] множество иных деталей относительно всего этого, связанных с искусством так называемых мосхосфрагистов, т.е. тех кто выбирает и отмечает тельцов (μοσχοσφραγιστῶν), вплоть до составления письменных сводов [по этому искусству].

Также весьма любопытно [рассказывает Херемон] и о птицах, почему [жрецы] не ели горлицу: ибо, рассказывали они, сокол, часто схватывая ее, отпускает, даруя спасение как плату за соитие. И чтобы случайно не съесть эту [оскверненную птицу], жрецы отвергали весь род этих [пернатых].

И хоть религиозные отправления были общие, различались лишь по категориям жрецов (κατὰ γένη δὲ τῶν ἱερέων διάφοροι) и были своеобразными применительно к каждому богу, очистительные обряды очищали всех. В этот период, заблаговременно распределив число дней (одни — сорок два, другие — больше, третьи — меньше, но никогда не менее семи), они воздерживались от вкушения любого живого существа, овощей и бобов, и прежде всего — от общения с женщинами; с мужчинами же они не общались в другое время.

Трижды в день они совершали омовение холодной водой: встав ото сна, перед полуденной трапезой и перед сном. Когда же случалось иметь истечение семени во сне (εἰ δὲ ποτε συμβαίῃ καὶ ὄνειρώττειν), то тело тотчас же очищали омовением. Холодной водою они пользовались и в другие дни, однако, не злоупотребляли ею. Ложем им служили ветви финиковой пальмы, которые (они называются «ваи») переплетали между собой; гладко отшлифованный деревянный полуцилиндр был подушкой. Они учились переносить голод, жажду, и вообще в течении всей жизни питаться весьма сдержанно (ὀλιγοσιτίαν παρὰ πάντα τὸν βίον). Свидетельством их воздержания служит то, что не пользуясь никакими лечебными средствами, они проводили жизнь в здравии и были полны сил (μήτε περίαπτοις μήτ' ἐπώδαις χρώμενοι διῆγον ἄνοσοι καὶ πρὸς μετρίαν ἰσχὺν εὖτονοι): а ведь во время отправления священнодействия они испытывали нагрузки и тяготы, многожды превышающие обычные [человеческие] силы. Ночь они проводили в наблюдении за небесными телами, а иногда и [совершая] обряд, днем совершали поклонение богам, сопровождая его песнопениями, — четырежды: на рассвете и на закате, когда солнце в зените и когда оно клонится к западу. В прочее время занимались арифметическими и геометрическими задачами, всегда что-то исследуя и изобретая новое (ἐκπονοῦντες ἀεὶ τι καὶ προσεξευρίσκοντες), купно с сим совершая еще и опыты. То же они делали и ненастными ночами, бодрствуя над письменами (φιλολογίᾳ προσαγρυπνοῦντες), не помышляя о корысти и открыто порицая расточительность дурного властелина (ἄτε μήτε πορίσμοῦ ποιοῦμενοι φροντίδα δεσπότης τε κακοῦ τῆς πολυτελείας ἐλευθεριάζοντες). Сей непрерывный и утомительный труд свидетельствует о выносливости этих мужей, а отсутствие тщеславия (ἀνεπιθύμητον) — о воздержании. Из-за нечестивейших [людей] они решили уплыть из Египта, т.к. боялись чужеземных наслаждений и обычаев —

[такое] могло показаться благочестивым решением только при утеснении со стороны царских служителей, а ведь у них был серьезный повод оставаться в земле своих отцов. Истинная философия была у прорицателей, у иеростолов, у толкователей священных текстов (ἱερογραμματεῦσιν), да и у астрологов (ὄρολόγοις), которых выгнали из Египта. Остальная масса жрецов, пастофоров, неокоров и служек хоть и соблюдает [ныне] чистоту, но совсем не с тем тщанием и воздержанием [что прежние жрецы-изгнанники].

Вот такие вещи о египетских обычаях поведаны мужем, преданным истине и весьма опытного в делах стоической философии. [Египетские жрецы], исходя из таких упражнений [в воздержании] (ἀσκήσεως) и такого приближения к сфере божественного (πρὸς τὸ θεῖον οἰκειώσεως), знали, что божественный элемент (τὸ θεῖον) проходит не только через человека, а душа обитает на земле не только в человеке, но проходит почти через все живые существа. Поэтому-то в создании образов богов (εἰς τὴν θεοποιίαν) они брали любое живое существо и равным образом смешивали животных и людей, и, опять-таки, тела птиц и [тела] людей: какой-нибудь [бог] у них до шеи имеет человеческий облик, лик же птичий или львиный, или иного какого животного; или, опять же, голова человеческая, а члены тела каких-нибудь других животных, где снизу, где сверху. Это показывает, что согласно замыслу богов (κατὰ γνώμην θεῶν) эти части сообщаются друг с другом, и не без некоего божественного произволения уживается и сосуществует в нас дикость зверя. Отчего и лев почитается богом, и часть Египта, именуемая «ном», называется Леонтополем, другая — Бусирисом, третья — Ликополем. Они почитали вездесущую божественную силу... через одноименных животных, каждое из которых представляло того или иного бога. Из стихий [египтяне] особо чтут огонь и воду, считая их причиной нашего спасения, и показывают их в святилищах, как и поныне во время [празднования] обнаружения святого Сераписа огнем и водой совершается ритуал, когда стоящий на пороге [храма] исполнитель священного гимна, изливая воду и показуя огонь, на родном наречии египтян пробуждает бога.

[Так египтяне] почитают эти [стихии], а больше них [почитались и прочие существа], находящиеся в большинстве святилищ: кроме всяческих животных почитают также и человека — в местечке Анабис (κατὰ Ἐναβιν κώμην), где ему приносят жертвы и на жертвенниках сжигают жертвенных животных. Спустя некоторое время он мог бы их съесть, приготовленных ему [уже не как богу, а] как человеку; [впрочем, от этого] следует воздерживаться как [этому] человеку, так и прочим.

А еще обнаружено, что некоторым из богов больше человека угодны некоторые животные — за особую мудрость и общение с божественным, как, например, Солнцу — сокол, у которого вся его сущность состоит из крови и ветра и который жалеет человека и скорбит над лежащим покойником, и насыпает землю [ему] на глаза, в которых, как верили [египтяне] обитает солнечный свет, долгое время живущий в них плененным, а после смерти приобретающий силу предсказания, а избавившись от тела становящийся сверхумным и пророческим; [соколу] создают изображения и возводят храмы.

К скарабею невежда питает отвращение, не зная, что тот относится к божественным [животным]; египтяне же почитали его как живой образ солнца. Скарабей бывает только самцом, и, отложив семя в навоз и скатав его в шар, толкает задними ногами, как солнце [вращает] небо, и выжидает [до появления потомства] лунный цикл (περίοδον ἡμερῶν ἐκδέχεται σεληνιακήν).

Точно таким же образом [египтяне] философствуют и о баране, и о крокодиле, и о коршуне, и об ибисе, да и вообще о каждом животном, поскольку от [большой] мудрости и богомудрия пришли к почитанию животных. [Человек невежественный не догадался бы, что они, казалось бы, совсем невежественные, вовсе не заблуждаются, [противореча] общему и ничего не знающему мнению (οὐ τῇ κοινῇ φροῶ καὶ μηδὲν γινωσκούσῃ παρηνέχθησαν), но,

превзойдя обычное неведение большинства, удостоили богопочитания то, что у большинства ни во что не ценится]. Вот по какой причине им было свойственно обожествление животных.

Они считали также, что душа, освободившаяся от тела, у любого животного является разумной, способной предвидеть будущее, принимать решение и действовать, в точности, как и у человека. Поэтому-то, очевидно, они почитали [животных] и старались по мере сил воздерживаться [от употребления их в пищу]. Но поскольку рассказ о том, почему египтяне почитали богов под видом животных, большой, а данный трактат еще больше, то достаточно будет и того, что мы уже изложили об этом.

Не следует, однако, пренебречь еще [и тем фактом,] что когда бальзамируют покойников знатного происхождения, отдельно извлекают нутро и помещают в ящик; после всех приготовлений, совершаемых обычно над покойниками, берут ящик [с нутром] и призывают в свидетели солнце; один из бальзамировщиков произносит речь. Вот она в переводе Евфанта с родного его наречия: «О владыка Солнце и вы, все боги, дарующие людям жизнь, примите меня и передайте вечным богам как со-населенника. Ибо я в течение того времени, что жил в сем мире, благочестиво почитал тех богов, коих мне передали родители, и породивших тело мое всегда почитал. Никого из других людей я не убивал, вверенного [мне] имущества не крал, ничего пагубного не творил. Если же в жизни своей я и согрешил в чем, или испил недозволенного, то согрешил не по своей воле, но чрез сие», при этом показывают ящик с нутром покойного. После этих слов его опускают в реку, остальное же тело бальзамируют как чистое. [Так они поступали потому, что] считали необходимым оправдание перед Божеством за то, что [покойный] съел, и выпил, и тем самым поступил бесчинно (διὰ ταῦτα ὑβρίσαι).